

Л.Ф.Алексеева

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОПРОСЫ В РАССКАЗЕ Б.А.ЛАВРЕНЕВА «СЕДЬМОЙ СПУТНИК»

Освещается малоизвестное произведение советского писателя Бориса Лавренева, написанное к 10-летию Октябрьской революции и посвященное осмыслению нравственно-этических и религиозно-философских вопросов законности и беззаконий в 1917 году и во время Гражданской войны в России. В центре внимания писателя образ генерала военно-юридического ведомства Евгения Павловича Адамова, явно исповедующего идеи Льва Толстого: он занимает позицию непротивленчества, преклоняется перед законом природной необходимости, «опростился», что, по наблюдениям Н.Бердяева, сближает Толстого с буддизмом. Автор объективно изображает деятельность ЧК, с сочувствием и вместе с тем иронически описывает положение генерала и его путь к гибели.

Ключевые слова: генерал-толстовец, сюжет, опрощение, непротивление злу, буддизм, зависть, авторская ирония

Борис Андреевич Лавренев (1891—1959, псевдоним Б.А.Сергеева) в советские годы был известен массовому читателю, главным образом, как автор пьесы «Разлом» и рассказа «Сорок первый». Известность этих произведений обусловлена тем, что пьеса вошла в историю театров, в том числе театра Вахтангова в Москве и БДТ в Ленинграде, а рассказ был удачно экранизирован в 1956 году. В главной роли поручика Вадима Говорухи-Отрока снимался популярный в те годы актер Олег Стриженов, что было дополнительным поводом к популярности лавренёвского сюжета.

В истории русской литературы XX века проза о Гражданской войне занимает значительное место. Одно перечисление имен и названий заняло бы несколько строк. Широкому кругу читателей известны такие писатели, как А.Серафимович, Д.Фурманов, А.Фадеев, К.Федин, М.Шолохов, А.Толстой, Л.Леонов, М.Булгаков, А.Платонов, Вс.Иванов, А.Н.Толстой.

Повесть «Седьмой спутник» не входила в число произведений, которые хвалили политизированные критики, ее не подвергали экранизации и сколько-нибудь подробному разбору. Ее главный герой, Адамов, по словам литературоведа Б.А.Леонова, относился к разряду персонажей, «несколько пассивно» [1, с. 7] воспринимавших революцию. Думается, что смысл повести сложнее, нежели упрощенно понятое принятие главным героем революции и якобы героическая гибель в финале. Однако Б.А.Леонов прав в том, что писателя интересовали глубокие вопросы, отнюдь не события, но их духовные истоки: «В борьбе за новое общество и в созидании его Бориса Лавренева привлекала не внешняя сторона происходящего, а прежде всего те глубинные процессы, которые были обусловлены этой борьбой в духовном мире человека, и прежде всего представителя интеллигенции» [1, с. 8]. Верность этой оценки подтверждается аналитическим прочтением рассказа — спустя сто лет после изображенных событий и 90 лет после опубликования — к 10-летию революции. «Седьмой спутник» представляется интересным читателям нашего времени, нуждается в интерпретации не только как политически любопытный текст, но и с точки зрения религиозно-нравственной. Сразу заметим, что авторская поэтика изображения событий дает и теперь немало поводов рассмотреть в характерах и поведении персонажей многочисленные «улики» против революционеров и «пролетариев», показанных в роли злых эксплуататоров и корыстных негодяев. Но этой исторической достоверностью ценность произведения не исчерпывается.

Спустя почти что столетие в подходе к художественным произведениям мало заметить политически заостренную и однолинейно оценочную позицию, диктовавшуюся цензурно-политическими формулами: «принимали — не принимали революцию» или «принимали революцию двойственно». Какие духовные процессы стояли за поступками и позициями тех или иных социальных слоев? Какие идеологические и религиозно-нравственные влияния обнаруживали писатели, как толковали мысли, намерения, идеалы персонажей? Что влияло на их выбор позиции и даже определяло пути ухода из земного жизненного пространства? Эти вопросы, безусловно, волновали автора, знающего свою эпоху в драматических деталях, не понаслышке.

Коротко остановимся на событийной канве повествования, узловых коленях сюжетного движения. Евгений Павлович Адамов до революции был генерал-майором, профессором Военно-юридической академии, т.е. ему были досконально известны научно обоснованные юридические нормы. Он одинок, недавно овдовел, похоронил жену, несчастен как отец: на мировой войне у него убит единственный сын, служивший в кирасирском полку.

В начале повествования Евгений Павлович смотрит на грузовик с вооруженными красноармейцами, когда машина поравнялась с окном, из неё «треснули два выстрела» [2, с. 61], и генерал сказал: «— Поразительная страна. Три года воевали, а мужчин и патронов по-прежнему не жалеют» [2, с. 61]. Инженер Арандаренко, живший в одном подъезде с Адамовым, возмущался, что новой власти «никакой интеллигенции» [2, с. 62] не нужно и призывал защищать устоявшуюся культуру: «Нужно бороться до последней капли» [2, с.

63]. Генерал ответил евангельским «Не судим, да не осудят и нас» [2, с. 62]. В душе Адамова утвердились возведенные Львом Толстым в догматический фетиш отдельные цитаты из Священного Писания. Автору важно показать, что жизнь противоречит прекраснотушным установкам интеллигентов, попавших под влияние ложных идей. Буквально в тот же день соседа-инженера ограбили и убили уголовники. По дороге на рынок Адамов встретил матроса, пошутившего: «Линяешь, птичка божия, в генеральском чине?» Ответ был совершенно в духе Толстого: «Учусь у благотельной природы. Для обновления требуется линияние. Так делают мудрые змии» [2, с. 64]. Сам по себе образ змеи отзовется потом ее изображением на золотом болванчике Будды.

Перед читателем явно воспитанный на идеях Л.Толстого непротивленец. Слабость его дряблой позиции обнаруживается тут же. Герой получает в ответ слова, высказанные «с явным доброжелательством» [2, с. 64]: «Линяй, линяй, мудрый змий, да только торопись, а то скоро, братишки генералы, будем мы вас стрелять гуртами» [2, с. 64]. Звучит слово, которое обозначает табун перегоняемого скота. В поэме Блока «Двенадцать» из уст красногвардейцев, защитников нового мира, звучат слова в адрес убиенной: «Лежи ты, падаль, на снегу» [3]. Слово *падаль* в языке могло относиться только к животному. Метафорический перенос на человека говорил о беспредельной злобе одного человека против другого. Это знак новой эпохи — XX века. В поэме В.А.Сумбатова «Без Христа» настроенные против аристократов всех сословий персонажи «из народа» рассуждают о молящемся над телами погибших офицеров священнике:

— Смотри-ка, поп пришёл, поёт,
Кадит над падалью господской...
— Господской? Скажет тоже! Скотской!..
— Да скот-то пользу нам даёт,
А господа... — Пойдем-ка, взглянем,
Что поп колдует там, подтянем
Ему, а после — пулю в лоб...[4].

Обиженные на дворян и буржуев за унижение, они прибегают к таким злодейским поступкам, на которые люди с верхних этажей социальной лестницы не были способны.

Немало сцен в рассказе имеет явно полемически заостренный характер, символически и идейно соотнесенный с идеями Льва Толстого, многократно осмысленными философами и политиками, как оставшимися в стране, в том числе марксистского толка, так и эмигрировавшими, чаще всего насильно высланными из России. В этом ряду прежде всего Н.А.Бердяев и И.А.Ильин.

Обратимся к конкретным сценам, выписанным Лавреневым с тщательностью почти дневникового свойства. Генерал принес когда-то подаренные ему при производстве в генерал-майоры золотые запонки на базар, расположившийся под храмом. Покупатель спросил про наклепленную «бабу с весами» и, услышав, что это Фемида, а «на весах — дела человеческие», возразил, реагируя на символ юридической справедливости: «Хамида <...> — ерунда это, товарищ превосходительство. Неестественные сказки. Невозможно дела человеческие перевешать. Людей перевешать возможно — не осмелюсь спорить. Лишь бы верёвки было вдосталь. А дела наши не перевешаешь, весы не выдержат пакости» [2, с. 69]. Автор подчеркнул здесь готовность истреблять людей, погрязших в греховности, неотмываемой никакими средствами, кроме физического устранения из жизненного пространства.

На вывешенном на улице плакате — после покушений на большевистских лидеров — запечатлена кровавая атмосфера в северной столице. Адамов читает: «...на убийство товарища Урицкого, на покушение на вождя мировой революции товарища Ленина пролетариат ответит смертельным ударом <...>. Не око за око, а тысячу глаз за один. Тысячу жизней буржуазии за жизнь вождя. Да здравствует красный террор!» [2, с. 65]. Автор отбирает среди деталей современности такие, в которых высвечен отказ от христианских ценностей, возврат к доевангельским принципам, лозунгам языческих времен.

Евгений Павлович довольно неожиданно для читателя приходит к выводу, что революционеры «имеют право защищаться» [2, с. 73], рад, что покушение на Ленина не удалось, и в беседе с соседом-инженером доказывает, как будто не читал плаката: «...мерзость этот терроризм, свинство человеческое. И террористы в девяносто случаях негодяи, а в десяти психопаты. Умом взять не могут, берутся за бомбу или пистолет, а того не понимают, что хода истории пульей не остановить» [2, с. 73]. В его позиции явно проявляется позиция толстовца. Но ум его направлен против террористов, покушающихся на новую власть, а не на тысячекратно умноженную жестокость новой власти, отнюдь не гнушающейся террором, более того, прославляющей террор.

В 1925 году И.А. Ильин написал книгу «О сопротивлении злу силою». Заблуждения Л.Толстого, касающиеся смирения перед злом и заблуждений на пути «самосовершенствования», философ прокомментировал через их соотнесение с Евангелием, трудами святых отцов, с привлечением многочисленных примеров личного опыта. В книге Ильина читаем: «Духовно здоровый человек не может не возмущаться при виде внутренне торжествующего и внешне изливающегося зла; он не может не чувствовать, что несопротивление ему есть не только попускание, и одобрение, и молчаливое одобрение, но и *соучастие* в его поступке; считая злодея по совести буйным очагом противодуховности и видя тщету духовного и словесного понуждения, он не может, не должен воздерживаться от внешнего пресечения» [5, с. 70-71]. Отказ от сопротивления злодеям в конечном итоге, по убеждению философа, ведёт «к духовному дезертирству, предательству, пособничеству и самораствлению» [5, с. 71]. Вместе с тем философ подчеркнул

огромную ответственность каждого человека в решении этой проблемы: «Только не испуганный, свободный дух может подойти к проблеме честно, искренно, зорко; всё додумать и договорить, не прячась трусливо и не упрощая; не заговаривая себя словами аффектированной добродетели и не увлекая себя ожесточенными жестами. Весь вопрос глубок, утончен и сложен; всякое упрощение здесь вредно и чревато ложными выводами и теориями; всякая неясность опасна и теоретически, и практически; всякое малодушие искажает формулу вопроса; всякое пристрастие искажает формулу ответа» [5, с. 32].

Совсем не случайно в сюжет рассказа Лавренева включен эпизод с подарком генералу Адамову от налетчика-бандита Турки фигурки-болванчика золотого Будды. Вор-налетчик Никита Шуров по прозвищу Турка, который, по словам коменданта новгородца Кухтина, «душ двадцать зарезал», упрекнул перед расстрелом генерала: «У подвалов, извините, кулаки, у этажей — мозги. Отменно построить можно. А вы, извините, сразу от подвалов морду отворотили. Хвостом в бок и не желаете об рвань пачкаться. И теперь ваша судьба — просто мокрая и сплошная контра» [2, с. 96]. На вопрос, почему, генерал Адамов, военный юрист по профессии, ответил: «Нас не позвали», и чувствует себя «как нашаливший щенок» [2, с. 97]. Когда уведут заключенных на расстрел, у коменданта, новгородца Кухтина, «стеариновые щёки», но он говорит, что таких, как этот бандит, нужно «стрелять в первую голову, чтоб землю не заблёвывали» [2, с. 97]. Подаренный Адамову Будда «сидел, поджав ножки, держа в руке змею, и бессмысленно-мудро улыбался» [2, с. 98]. Доверчивый генерал почему-то устыжается, что он не участвует в революции, когда его упрекает Турка, но глух к увещаниям офицера-белогвардейца, скомпрометированного иностранным обмундированием и оружием. Более того, перед бандитом Адамов скромно потуплен, а перед защитником России ведет себя «героически», отказываясь защищать старый мир, готов погибнуть.

Н.А.Бердяев писал о Толстом: «С одной стороны, Толстой учит: будьте пассивны, не противьтесь злу насилием, — и правда природы, которая божественна, сама собой обнаружится и восторжествует. Но с другой стороны, он же учит: раскрывайте в своем сознании разумный закон жизни, закон Хозяина жизни, и ему подчините всю жизнь, им преобразуйте всю жизнь, весь мир. Толстой выходит из затруднения тем допущением, что разумный закон жизни, раскрываемый сознанием, и есть закон самой благодной, божественной природы. <...> Зло для него есть ложное сознание, добро есть истинное сознание. Иррационально-волевого источника зла он не видит. <...> Он приближается также к буддизму, для которого спасение есть дело познания. Поэтому он не только не понимает тайны искупления, но относится к ней с отвращением. Сама идея искупления представляется ему безнравственной. <...> У него какое-то окамененное нечувствие к личности Христа-Спасителя» [6, с. 459].

После возвращения домой, на квартиру, Адамов обнаруживает там поселившуюся по распоряжению домкома семью, забирает портрет покойной жены, не находит приюта у друга, который уверен, что тот бежал, поскольку «оттуда» не выпускают, и, опасаясь, что присутствие беглеца в доме повредит его семье, трусливо выгоняет его. Генерал вынужден под осенним проливным дождем вернуться в тюрьму. На просьбу поручить ему переписку в канцелярии комендант Кухтин отвечает: «У нас на переписке секретные сидят, переписка секретная. А в красноармейцы куда ж тебе при твоём возрасте. Да и не дело <...> у нас работа тяжелая. Стрелять приходится. Даже если особую злобу на буржуев иметь, и то подолгу не выносят, сворачиваются» [2, с. 110]. Генералу предлагают стирать бельё арестантов, при этом «с буржуев можешь драть почем захочешь» [2, с. 110].

Понемногу генерал «приобрел манеры заправской прачки», торговался с заказчиками. «Евгений Павлович, в казенных бутсах, в которых тонули сухие ножки, перевязанные обмотками, в рваных солдатских штанах и расстегнутой рубашке, мылил и стирал» [2, с. 112].

Бывший новгородец Кухтин с Адамовым, после того, как они пропускали по чарочке автомобильного спирта, по вечерам пили чай и говорили на разные темы. Комендант сознается, что тяготится своей кровавой работой: «Стереги недорезанных да справляй в могильную волость!» [2, с. 113]. Он мечтал о любви и женитьбе на образованной из высшего сословия, дворяночке или графине, «чтоб детёнкам носы вытирала и обучала по музыке на пианине и по-французскому» [2, с. 113]. Для убедительности, что ему нужно «облагородиться», он рисует свой контрастный портрет: «Вихры торчат, морда немытая, почеревок с пуза спадает, и портки валяются. А как начнешь говорить, так всё больше по-матерному» [2, с. 114]. Про женщин своей среды он говорит: «А то наши бабы — серость кобылья» [2, с. 113]. С завистью вспоминает он чистеньких детей графа Куракина, а генерал его урезонивает: «Вырастут ваши дети, станут ножкой шаркать, по-французски чирикать, а сами будут врагами революции <...>», графиня научит их петь «Боже царя храни». Муж готов в таком случае ее «поучить» — «ремешком или рукой». Адамов советовал ему найти простую сельскую бабу, но Кухтин отвечал зло: «Найду, <...> сколько ты не скули напротив» [2, с. 114].

И.А.Ильин в статье «Яд большевизма» писал: «Зависть есть уязвленное самолюбие низшего. Это есть ненависть лишенного к обладающему; злоба на чужое преимущество; жажда отнять у другого это преимущество и присвоить себе... Разновидность ненависти... она всегда ведет к нападению... не строит и не творит — она разрушает» [7, с. 372].

Апофеозом присущего толстовцам естественного течения жизни в повести «Седьмой спутник» является 11-ая глава повести, включающая урбанистический пейзаж-декларацию: «Жизнь нельзя было угасить. Она глядела тысячами упрямых, насмешливых глаз на изнемогающее время из всех щелей разрушенных домов. Она научилась прыгать на тяжелых ревуших грузовиках и бешеных мотоциклетах через провалы мостовых. Жизнь

смеялась над временем и, не обращая внимания на разрушение старого, строила новое, зажав в закаменелых руках ломаный молоток и выщербленные клещи» [2, с. 111]. Когда приезжает советский начальник и приглашает Адамова воевать с Юденичем, на вопрос о том, почему он не жаловался, чтобы найти подходящее занятие, генерал отвечает комиссару совершенно в толстовском духе: «Вы, может быть, не поверите, но я первый раз в жизни чувствовал себя по-настоящему нужным» [2, с. 118]. Понимая опрощение как участие в примитивном физическом труде, генерал-толстовец склоняется и к усвоению «философии» простонародья.

Автор показывает, что строители нового мира ушли от воинских традиций: «Эта армия не устраивала парадов, торжественных шествий в завоеванных городах, не служила молебнов и благодарственных литий на ещё окровавленных боем площадях, — но молчаливо, судорожно сжав челюсти и винтовки, лезла вперед <...>» [2, с. 119]. Однако настоящий крестьянин Рыбкин, с которым оказался рядом бывший интеллигент, страдает оттого, что его вынуждают жить без веры. Повоевав у красных в штабе трибунала, (не в каком-нибудь другом месте!), генерал вместе с красноармейцем отстали от своих и ночевали в поле. Рыбкин большевик, и Адамов говорит ему: «Значит, ты не можешь верить в Бога. — Оно, конечно, ответил красноармеец. — А только всё одно: смутно нам как-то без Бога. Хрестьяне мы. Неужто так нельзя, чтоб божескую правду и большевицкую вместе собрать?..» [2, с. 125]. Они оба — генерал Адамов с рядовым Рыбкиным — попадают в плен к белым. Адамов в беседе с поручиком объясняет: «Служба в вашей армии этически неприемлема для меня» [2, с. 128]. Затянутый «в английскую офицерскую форму» полковник Бермонт-Авалов «с немецкими погонами на плечах» приказывает обыскать генерала. Когда обнаруживают золотого Будду, белые офицеры подозревают, что Адамов ограбил кого-то и приказывают расстрелять его вместе с трибунальским вестовым Кимкой Рыбкиным.

Автор представляет своего героя как патриота, отказавшегося «от канадского масла» [2, с. 130]. Своё участие в борьбе за новую власть Адамов объяснял поручику в тех же словах, как когда-то своему приятелю Приклонскому (не понимавшему его позиции): «Когда огромное тело пролетает в мировом пространстве, в его орбиту втягиваются малые тела, даже против их воли. Так появляется какой-нибудь седьмой спутник...» [2, с. 129]. Те же самые философические метафоры вызывают у белого офицера подозрение, что бывший генерал симулирует сумасшедшего. Адамов же безропотно, вместе с вестовым-трибунальцем, осознанно идет на смерть. Когда друзья по несчастью прощаются перед расстрелом, Кимка произносит: «Спасибо на добром слове, товарищ Ада...» [2, с. 131]. Фамилия генерала оборвана на половине выстрелом, но читатель видит фразу «товарищ Ада...» и может увидеть здесь обозначение метафизического пространства, куда направляется незадачливый толстовец.

Вероятно, правдивой картиной борьбы за новую власть против развалившейся империи автор стремился подчеркнуть необратимость истории. Но дело не только в этом. Само смирение перед этим напором объективности свидетельствует об отсутствии волевого выбора у свидетеля «крушения старого мира». Изначально путь персонажа диктовался необходимостью выжить в суровых обстоятельствах «вихря» революции. Повесть содержит немало вопросов, которые побуждают заново осмыслить нравственные аспекты деятельности большевиков, позиций интеллигентов, поддавшихся толстовским идеям непротivления злу, завистливость новых властителей и озлобленность старых и новых, стремительно втянутых в водоворот страстей, жестокости, всепримлемости и мертвящего буддийского равнодушия.

1. Леонов Б.А. Б.А.Лавренев // Лавренев Б.А. Гравюра на дереве: Повести и рассказы. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 3-12.
2. Лавренев Б.А. Седьмой спутник // Лавренев Б.А. Гравюра на дереве: Повести и рассказы / Сост. В.В.Булановой. М.: Изд-во «Правда», 1989. 512 с.
3. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Стихотворения и поэмы. 1907—1921. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. С. 353.
4. Сумбатов В.А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений / Сост. Л.Ф.Алексеевой; науч. ред., подготовка текста В.А.Резвого. Pisa; М.: Водолей Publishers, 2006. С. 120.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. Pro et contra: Polemika вокруг идей И.А.Ильина о сопротивлении злу силою / Сост., предисловие и комментарий Ю.Т.Лисицы. М.: Айрис-пресс, 2005. 576 с.
6. Бердяев Н.А. Л.Толстой // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Искусство», 1994. С. 456-461, 459.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений. Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906—1954). М.: Русская книга, 2001. С. 372.

References

1. Leonov B.A. B.A.Lavrenev // Lavrenev B.A. Gravyura na dereve: Povesti i rasskazy. M.: Izd-vo «Pravda», 1989. S. 3-12.
2. Lavrenev B.A. Sed'moy sputnik // Lavrenev B.A. Gravyura na dereve: Povesti i rasskazy / Sost. V.V.Bulanovoy. M.: Izd-vo «Pravda», 1989. 512 s.
3. Blok A.A. Sobr. soch.: V 8 t. T. 3. Stikhotvoreniya i poemyy. 1907—1921. M.; L.: Goslitizdat, 1960. S. 353.
4. Sumbatov V.A. Prozhachnaya t'ma: Sbranie stikhotvoreniy / Sost. L.F.Alekseevoy; nauch. red., podgotovka teksta V.A.Rezvogo. Pisa; M.: Vodoley Publishers, 2006. S. 120.
5. Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu. Pro et contra: Polemika vokrug idey I.A.Il'ina o soprotivlenii zlu siloyu / Sost., predislovie i kommentariy Yu.T.Lisitsy. M.: Ayris-press, 2005. 576 s.
6. Berdyaev N.A. L.Tolstoy // Berdyaev N.A. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: V 2 t. T. 2. M.: Izd-vo «Iskusstvo», 1994. S. 456-461, 459.
7. Il'in I.A. Sbranie sochineniy. Stat'i, lektzii, vystupleniya, retsenzii (1906—1954). M.: Russkaya kniga, 2001. S. 372.

Alekseeva L.F. Moral, ethical, and religious issues in the story “The seventh satellite” by B.A.Lavrenev. The article highlights a little-known work of the Soviet writer Boris Lavrenev, written to the 10-th anniversary of the October revolution and dedicated to the understanding of moral, ethical, religious, and philosophical questions of legality and lawlessness in 1917 and during the Civil war in Russia. In the center of the writer's attention is the image of Yevgeny Pavlovitch Adamov, the general of the military and legal department, who clearly professes the ideas of Leo Tolstoy: he takes the position of non-resistance, he admires the law of natural necessity, “simplification”, which, according to N. Berdyaev, brings Tolstoy closer to Buddhism. The author objectively depicts the activity of the Emergency Commission, with sympathy and at the same time ironically he describes the position of the general and his path to destruction.

Keywords: general-Tolstoyan, plot, simplification, non-resistance to evil, Buddhism, envy, author's irony.

Сведения об авторе. Л.Ф.Алексеева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века Историко-филологического института Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета; modernen@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.